

© 2022. С. С. Жданов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий
г. Новосибирск, Россия

«По избитой дороге европейских туристов»: репрезентация пространства Германии в «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» Н. И. Греча

Аннотация: В статье рассматриваются немецкие пространственные образы, представленные в травелогe Н. И. Греча «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» в связи с традицией изображения Германии в русской словесности XIX в. Выделено несколько типов пространств в гречевском тексте. К одному из них относятся демиприродные и домашние идиллические локусы, для которых характерны мотивы упорядоченности, уюта, чистоты, света, семейности, изобилия, визуальной привлекательности. Прослеживается связь данного локального типа с сентименталистским мирообразом Германии в русской литературе в его ослабленном, потерявшем экспрессивность варианте. Немецкие города также характеризуются мотивом упорядоченности, относящимся к пространству не идиллии, а современной рационалистической цивилизации. В качестве основного центра упорядочения пространства Германии в тексте определена Пруссия. Ему противопоставлены различные конфликтные лиминальные территории, граничные с Францией и Данией. Описание упорядоченно-неидиллических, лиминальных, а также исторических ландшафтов Германии тяготеет к нейтрально-фактологическому мирообразу. Наконец, в тексте Греча выделены отдельные элементы травестийно-смехового германского повествовательного модуса, которые в основном касаются изображения пространства немцев-филистеров.

Ключевые слова: Н. И. Греч, травелог, мирообраз, Европа, Германия, лиминальное пространство, идиллия, элегия, мотив, русская литература.

Информация об авторе: Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, ул. Плахотного, д. 10, 630108 г. Новосибирск, Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.12.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.04.2022

Дата публикации статьи: 25.06.2022

Для цитирования: Жданов С. С. «По избитой дороге европейских туристов»: репрезентация пространства Германии в «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» Н. И. Греча // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 42–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-42-63>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 42–63. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 42–63. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Sergey S. Zhdanov**
Siberian State University of Geosystems and Technologies
Novosibirsk, Russia

“On the Beaten Path of Russian Tourists”: Representation of the Germany Space in “Parisian Letters with Notes About Denmark, Germany, Holland and Belgium” by N. I. Gretsch

Abstract: The paper deals with German spatial images represented in the travelogue “Parisian Letters with Notes about Denmark, Germany, Holland and Belgium” by N. I. Gretsch in connection with the tradition of describing Germany in Russian literature of the 19th century. Several types of spaces are determined in the text by Gretsch. One of them is formed by deminatural and home idyllic loci for which the motives of orderliness, coziness, cleanness, lightness, domesticity, plentifulness, visual appeal are typical. There is a connection of this spatial kind with the sentimental world-image of Germany in Russian literature represented in its ‘wasted’ variant having no expression. Urban German loci are also marked with the motif of orderliness connected with the space not of the idyll but of the modern rational civilization. Prussia is determined as the main center of ordering the German space and contrasted with several conflicted liminal places bordering France and Denmark. Describing regulated non-idyllic, liminal as well as historical loci of Germany tends to the neutral factual world-image. Finally, there are some elements of the travesty-comical German narrative mode in the text by Gretsch, they basically deal with representing the German philistine space.

Keywords: N. I. Gretsch, travelogue, world-image, Europe, Germany, liminal space, idyll, elegy, motif, Russian literature.

Information about the author: Sergey S. Zhdanov, DSc in Philology, Associate Professor, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Plakhotnogo street, 10, 630108 Novosibirsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Received: December 11, 2021

Approved after reviewing: April 16, 2022

Published: June 25, 2022

For citation: Zhdanov, S. S. ““On the Beaten Path of Russian Tourists’: Representation of the Germany Space in ‘Parisian Letters with Notes About Denmark, Germany, Holland and Belgium’ by N. I. Gretsch.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 42–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-42-63>

В творческое наследие Н. И. Греча входит немалое количество травелогов, отразивших его впечатления от поездок по Европе и ставших в дальнейшем материалом для научных исследований, в том или ином контексте затрагивающих тематику литературы путешествий XIX в. В качестве примеров подобных работ можно привести публикации М. В. Аксеновой [Аксенова], Н. А. Рудиковой [Рудикова]. При этом следует отметить, что весьма значительное место в гречевских травелогах занимает образ Германии, изучению которого, в частности, посвящены исследования М. В. Батшева [Батшев], Н. Г. Морозовой [Морозова], где травелоги Греча анализируются наряду с текстами других русских авторов. Наконец, гречевская репрезентация германского пространства рассматривается в работе Н. М. Ильченко и М. В. Аксеновой [Ильченко, Аксенова]. Однако среди материалов, анализируемых вышеуказанными авторами, отсутствуют «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» Греча, которые представляют фокус литературоведческого интереса данной статьи, заполняющей, таким образом, лауну в исследованиях образа Германии в гречевских текстах. Кроме того, дополнительным направлением литературоведческого анализа выступает сравнение образа Германии в «Парижских письмах...» с традицией изображения этой страны в русской литературе XIX в., предполагающей, в том числе, наличие таких повествовательных модусов, как сентименталистский, романтический, травестийно-смеховой, нейтрально-фактологический мирообразы [Жданов: 18].

В связи с этой традицией следует упомянуть мотив упорядоченности пространства как *locus communis* немецкой образности в русской литературе конца XVIII–XIX вв. [Жданов: 19]. Обращается к нему и Греч в «Парижских письмах...», включая Германию в общий пространственный контекст Европы, в характеристике которой подчеркиваются мотивы порядка, ухоженности, уюта, а также инспирированной эпохой Просвещения рациональности, т. е. организованности и антропности,

соразмерности человеку. Задавая с первой страницы локальные рамки своего повествования, русский писатель сообщает, что отправляется «по избитой дороге европейских туристов», довольствуясь «прогулкой по образованным, просвещенным, благоустроенным странам, где природа выбрита, умыта, одета, иногда и нарумянена, иногда и зашнурована, но все мила и прелестна, где человек, совершеннейшее ее творение, стоит действительно на высшей против других тварей степени»¹ [Греч 1847: 1]. Отметим попутно элемент иронического снижения в характеристике Европы, а следовательно, и Германии, через уподобление природного пространства человеческому существу, которое может быть выбрито, умыто, одето, нарумянено и зашнуровано. Возможно здесь увидеть и травестию сентименталистского дискурса с его культом облагороженной, изящной природы. По сути, мы имеем дело с демиприродным, т. е. сочетающим в себе естественные и антропные элементы, пространством цивилизации.

Мотивом упорядоченности маркированы в тексте Греча не только общеевропейская территория, но и конкретные немецкие локусы. Так, автор упоминает «прекрасную Голстинию», «привлекательную» «своим благоустройством, довольством жителей, опрятностью местечек и городов» [Греч 1847: 18]. В характеристике прекрасности/привлекательности зафиксировано значение визуальной приятности. Упомянутый же мотив опрятности/чистоты связан с мотивом упорядоченности и свойствен для описаний немецкого пространства в русской литературе [Жданов: 30].

Сходный мотивный ряд характерен для изображения отстраивающегося после пожара Гамбурга: несмотря на огромный объем работ, везде Греч наблюдает «порядок примерный» и «тишину удивительную». «Некоторые улицы загорожены для экипажей, но проходить можно везде легко и удобно» (мотивы порядка, удобства, рационального устройства²) [Греч 1847: 20]. Рациональность проявляется и в про-

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация приближены к современным.

² Рациональность Гамбурга, торгового портового города, подчеркнута через акцентирование локуса биржи. Именно ее горожане спасают от пожара «с непостижимым самоотвержением» [Греч 1847: 20]. Биржа также должна стать центром-«средоточием» заново отстроенного Гамбурга: от «уцелевшей биржи» «...во все стороны пойдут широкие улицы» [Греч 1847: 25]. Впрочем, образ биржи выходит за пределы рационального за счет остраненной визуальности — взгляда путешественника сверху, когда «тысячи людей» уподобляются кишащим «мухам», а «громкий гул» их

екте новой городской застройки: «План этот составлен очень искусно и благоразумно <...> Лет через пять Гамбург будет застроен лучше и великолепнее прежнего» [Греч 1847: 25]. Мотивом реорганизации-переустройства локуса актуализируется в гречевском тексте устранение беспорядка не только в физическом, но и духовном пространствах города. Автор противопоставляет порядок современной Европы «многим неудобствам и несообразностям в правлении города, устроенном в Средние века»¹ [Греч 1847: 25]. В результате Гамбург предстает в качестве антропоного пространства, наполненного жизнью и заведенным порядком: «Торговля и промышленность кипят; увеселения, обеды, прогулки, зрелища идут своим чередом» [Греч 1847: 25–26].

В аналогичном ключе описывается промышленный и торговый город Мюльгейм: «...добывается много каменного угля, и есть разные фабрики. По реке ходят многие суда. Все движется, работает; все оживленно и весело» [Греч 1847: 42]. Вообще, сравнивая прежнюю Германию, какой она предстала Гречу в 1817 г., с новой, автор подчеркивает изменения в стране посредством мотива ускорения темпа жизни (в том числе, за счет технического прогресса). Так, описывая Франкфуртскую железную дорогу, автор замечает: «Подумаешь, какая перемена в скорости сообщения! За двадцать шесть лет пред сим ездили в Эмс из Франкфурта в тридцать шесть часов, теперь в шесть! И еще какую жизнь, какое движение, какую деятельность придают эти средства быстрого сообщения всей здешней стороне! Торговля, промышленность, денежные обороты, образование, все возрастает в неимоверной прогрессии» [Греч 1847: 55]. Образы железной дороги и современного транспорта в целом воплощают мотивы немецкого преобразования-покорения пространства, его упорядочивания: «Эта часть в Германии [между Майн-

голосов напоминает «шум волнующегося моря» [Греч 1847: 30], контактируя антропоное и стихийное пространства.

¹ Здесь Греч остается человеком, воспитанным в духе Просвещения с его неприятием Средневековья как эпохи варварства, беспорядка. В более раннем своем тексте «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» писатель не раз критикует средневековые порядки Германии и вид немецких городов: «вообще Германия есть отечество странностей, получивших начало в Средние века» [Греч 1838: 154]; «Немецкие города вообще построены дурно; особенно безобразна та часть их, которая называется Altstadt, старый город» [Греч 1838: 179–180].

цем и Франкфуртом-на-Майне. — С. Ж.] совершенствуется с каждым годом более и более. Поезда отходят и приходят в назначенное время, соображая движение свое с прибытием и отплытием пароходов. Омнибусы ездят скоро и исправно. Все рассчитано, предусмотрено. И публика привыкла к заведенному однажды порядку» [Греч 1847: 51].

Мотивы упорядоченности, чистоты, визуальной привлекательности и уюта присущи также гречевским характеристикам Мюнстера («чистый, светлый, приветный» [Греч 1847: 38]) и Дюссельдорфа («светлый, веселый, миловидный» [Греч 1847: 42]), чьи «окрестные гульбища» «прелестны и в ненастную погоду» [Греч 1847: 56].

Сходный мотивный ряд актуализируются Гречем и на мезоуровне немецкого пространства при изображении дома гамбургского «почтенного пастора Миллера», являющего собой «образец и пример жизни и обычаев благородного немецкого семейства» [Греч 1847: 27]. Это, по сути, идиллический локус семьи: «Небольшой, но уютный, красивый, чистый дом построен среди сада, разведенного самим хозяином, его супругою и детьми. Комнаты, со светлыми окнами, мебелью, не новою, но опрятною и изящною с белыми занавесками, хорошим флигелем, не паркетными, но чистыми как паркет полами» [Греч 1847: 27]. В описании дома присутствует и мотив закрытости, отгороженности¹ идиллии от внешнего мира: дом стоит посреди сада, а его хозяин «чужд» «притворства и светской политики» [Греч 1847: 27]. При этом внешние визуальные характеристики дома-семьи (чистота, красота, свет, уют) согласуются с его внутренними свойствами (добродетель, спокойствие, набожность): «Все в доме дышит добродетелью, спокойствием, довольством дарами судьбы, благоговением к Подателю благ земных» [Греч 1847: 27–28]. Отметим характерную синкретичность антропного и вещного начал в идиллическом локусе, что зафиксировано в выражении «все в доме».

Идиллическими чертами наделено также описание дома, который выбрало семейство Гречей для проживания в Гейдельберге: «приятный,

¹ Мотивом закрытости маркирован и образ Гамбурга в целом, благодаря упоминанию берущей свое начало из Средневековья реалии, когда городские ворота запираются на ночь и припозднившимся путникам приходится платить штраф за вход [Греч 1847: 29]. Сравним также с гамбургскими воспоминаниями Н. А. Корсакова, посетившего Гамбург в 1839 г.: «...становится поздно, и по прибытии 9 час. вечера вы заплатите 4 шил. 932 к. штрафу» [Корсаков: 20].

светлый домик», вписанный в демиприродное пространство сада («посреди цветущих акаций и роз», «среди благоуханий деревьев и цветов») и природные ландшафты — «романтический» горный («подле самой горы, поднимающейся вверх уступами, до развалин старинного замка») и речной («на берегу» «журчащего по камням Неккара» [Греч 1847: 53]).

Идиллично демиприродное окружение Гамбурга, к которому относятся берега Эльбы как «зрелище прекраснейшей части окрестностей Гамбурга», «поэтическая рыбацья деревня Бланкенезе» и различные сады: «Мы <...> любовались прекрасными цветами и оранжереями богатого английского садовника Буса (Booth), прогуливались в Бауровом саду, из которого простирается прекраснейший вид на Эльбу; <...> на обратном пути обедали в павильоне Ренвилева сада» [Греч 1847: 31]. В этом любовании садами, берегами и деревенскими ландшафтами еще ощущается слабый отголосок сентименталистского мирообраза, но здесь мотив изящной природы подвергнут смысловой «эрозии», образность сентиментализма бледнеет, теряя ту экспрессию, которая присуща, например, сценам созерцания демиприродных локусов Германии в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. По сути, гречевскому тексту присущ сдвиг в сторону нейтрально-фактологического повествования, когда красоты природы лишь обозначаются скупыми характеристиками¹. Так, писатель упоминает «городок Ибург, лежащий между довольно высокими горами, в живописной долине» [Греч 1847: 31], т. е. из пейзажного описания мы узнаем лишь, что горы высокие, а долина живописна.

Умеренность Греча в пейзажных описаниях по сравнению не только с карамзинскими «Письмами...», но и собственными путевыми письмами о Германии 1817 г.² проявляется и в рамках «рейнского» текста,

¹ Акцент на фактологичность можно увидеть не только в том, что пространственные красоты изображаются скупо, но и в том, что достойны упоминания оказываются некрасивые локусы: например, местность вдоль ганноверского шоссе обозначается как «сторона, вообще одна из самых неинтересных в Германии» [Греч 1847: 34].

² Сравните, например, с эмоционально окрашенным описанием рейнского пространства в раннем травелоге Греча: «Около часу плыли мы в сей дикой стране <...>. Вдруг, будто действием волшебства, вся страна получила другой вид; из середины гор вышли мы на открытое место: пологие берега устланы бархатною зеленью и венчались садами виноградными» [Греч 1838: 157].

хотя в целом он остается в рамках идиллического хронотопа. Рейн охарактеризован автором «благодатным» [Греч 1847: 42]; его «прекрасные виды» доставляют «большое наслаждение» [Греч 1847: 51]; также называются, но не описываются «прелести живописного Рейна»: «Драхенфельс¹, Годесберг, Роландсек опять возникли у меня пред глазами...» [Греч 1847: 48]. В то же время в этой скупости изображения, быть может, сказывается значительная «освоенность» рейнского текста русской литературой, не раз к нему обращавшейся. Так, в травелогe М. П. Погодина «Год в чужих краях», относящемся примерно к тому же периоду, что и рассматриваемый нами гречевский текст, содержится характерный пассаж, маркирующий определенную исчерпанность темы Рейна в России: «Но об Рейне писано столько!» [Погодин 4: 46]. Более того, Греч частично деконструирует образ сентименталистского и романтического Рейна, подчеркивая будничность части этого пространства: путешествие на пароходе из Майнца в Мангейм названо «самым прозаическим»: «Здесь Рейн становится плоским и неживописным и любопытен только для винопродавца классическими местами Nierstein, Laubenheim, Rüdeshheim, und viele, viele Heim, где производится рейнский нектар» [Греч 1847: 53]. Характерно, что смысловой «эрозии» подвергается и весьма значимый для «рейнского» текста, например, в его карамзинском варианте, мотив рейнвейна как напитка веселья и жизненных сил. Рейнское вино, хотя еще обозначается «нектаром», в гречевском тексте низводится до сферы товарно-денежных отношений, а флер сакральности (по сути, «причащения» к Рейну через «нектар» рейнвейна) снимается посредством иронической стереотипизации названий местечек, производящих этот алкогольный напиток.

¹ Теоретически тот же Драхенфельс должен соотноситься с романтическим мирообразом, к которому Греч, по собственному признанию, не являющийся «последователем романтики» [Греч 1838: 110], все-таки обращается в путевых письмах о Германии 1817 г., излагая легенду «Драконовой горы» [Греч 1838: 161]. Но в «Парижских письмах...» весь этот романтический «бэкграунд» рейнского пространства выведен за рамки текста. В дальнейшем Греч помещает Драхенфельс в контекст производственной сферы, сообщая, что для достройки Кельнского собора «главный... строительный материал добывается, как и прежде, из прирейнской горы Драхенфельса» [Греч 1847: 44]. Впрочем, поскольку речь идет о сооружении сакрального здания, то нельзя говорить о полной профанизации образа горного пространства.

Кроме того, следует заметить существенную роль элегических настроений в «Парижских письмах...» Греча. Немецкие локусы в данном тексте — это, в том числе, пространство «радостных и грустных» воспоминаний «прежних лет» и светлой печали по минувшему, когда «тени почивших» мелькают «на плане» «несравненных ландшафтов» Рейна, а также «драгоценного и незабвенного» Эмса: «С душевным умилением увидел я вновь те места, где дважды в жизни, и в молодости, и в зрелых летах, провел несколько счастливых недель...» [Греч 1847: 48–49]. Элегическим местом представляется и образ франкфуртского кладбища-сада: «Все были приведены в умиление картиною этого прелестного сада, который под цветами хранит семена будущей жизни» [Греч 1847: 51]. Однако автор тут же разрушает поэтичность изображения за счет нейтрального описания морга как утилитарного пространства и одновременно туристического аттракциона¹: «...показывали нам дом, в котором ставят покойников на несколько дней, для предупреждения погребения мнимо умерших» [Греч 1847: 51–52].

К упорядоченной демиприродной идиллии можно отнести и превращенную «в прекрасный сад» епископскую цитадель под Мюнстером: «С неизъяснимым удовольствием прогуливались мы по этому саду, расположенному по требованиям ботаники: у корня каждого дерева, подле каждого кусточка, начертано его латинское название. Но самым приятным зрелищем для нас, северных странников, были свежие, прекрасные вишни, только что принесенные на рынок из огородов» [Греч 1847: 39]. Природа локуса рационализирована, сопряжена со сферой науки, и в то же время хранит воспоминание о раю с райскими плодами². Мотив упорядоченности характеризует и дере-

¹ Кладбище как место соприкосновения мира живых и мертвых становится местом паломничества культурных туристов. Так, Греч упоминает посещение «кладбища и могилы Клопштока в Оттенсене» [Греч 1847: 31]. На могилу немецкого поэта приходит, кстати, и Корсаков, где он «...поклонился праху знаменитого мужа и сорвал на память два цветочка» [Корсаков: 20].

² Образ вишен, с одной стороны, утилитарно-прозаичен, будучи связан со сферой производства и продажи (огород и рынок), но с другой стороны — идилличен, поскольку актуализирует мотив райского изобилия, присущий локусу сада. При этом образ плодов земных выступает пространственным маркером, закрепляя за Германией значение территории Юга, противопоставленной России (в лице русских путешественников) как воплощения Севера. Сравним с образом Германии-сада в текстах

венскую Германию в окрестностях Мюнстера: «Почва... везде, где можно, обработана... очень прилежно; рожь и овес стоят хорошо...» [Греч 1847: 39]. Немецкий порядок также проникает в жизнь крестьянских семей, где каждому уготовано свое место исходя из целерациональности: «Старший сын, или выбираемый помещиком, наследовал обладание усадьбою; другой сын шел в духовное звание; третий помогал старшему и кормился в усадьбе; четвертый постригался в монахи в одном из многочисленных тамошних монастырей. Одна дочь шла в монастырь, другая, не постригаясь, давала обет безбрачия, и жила в усадьбе; третья выходила замуж за хозяина соседнего двора» [Греч 1847: 39–40]. Конечно, нейтральное описание Гречем исторических мюнстерских «обычаев» далеко от саркастического изображения жизни немецкого семейства во главе с добродетельным фатером из романа Ф. М. Достоевского «Игрок», но общий для произведений мотив порядка налицо. То же самое утверждается в гречевском тексте относительно урбанистических ландшафтов: «И в городах наблюдался подобный порядок: имущества оставлялись в одном роде без раздела» [Греч 1847: 40]. В изображении окрестностей Мюнстера мотив упорядочивания также связан с Пруссией как центром организации немецких земель: «...Прусское Правительство существенно содействовало к просвещению сей страны проведением хороших дорог» [Греч 1847: 40].

Антитеза демиприродного и урбанистического пространств подчеркнута в описании Бохума. Его окрестности (пространственная периферия), открывающиеся взгляду путешественника, упорядоченно идилличны: «...прелестны и миловидны германские ландшафты, виды чистых рощиц, обработанных полей, свежих лугов, оживленных пасущимися стадами, особенно холмов, близких и отдаленных, как живо-

разных русских авторов: «Сию верхнюю часть Германии можно назвать земным раем. <...> везде богатые виноградные сады — везде плодами обремененные деревья — груши, яблоки и Грецкие орехи растут на дороге...» [Карамзин: 91]; по Германии «едешь как по саду» [Погодин 1: 100]. Щедринский Мальчик без штанов спрашивает своего немецкого визави, действительно ли в Германии «...такие губернии есть, в которых яблоки и вишенье по дорогам растут...» [Салтыков-Щедрин: 36]. Даже скупой на похвалы иностранному Д. И. Фонвизин в заграничных письмах упоминает немецкое «изобилие плодов земных»: «Во всей западной Пруссии нашли мы множество абрикосов, груш и вишен» [Фонвизин: 502].

писны городки, села, деревни и усадьбы *издали...*» [Греч 1847: 41]. Но центр — сам «городок», подобный иным средневековым урбанистическим локусам, которые маркированы мотивами узости, кривизны, грязи, т. е. неудобства («...безобразны, кривы, грязны, несносны городишки немецкие *во внутренности* своей...»), наоборот, вызывает неприятие «тесными улицами, вымощенными как можно хуже» [Греч 1847: 41].

В описании прусских земель остается один мотив упорядоченности, которая лишена идиллического флера и показана как торжество рациональности и законности. Неслучайно первой в пространстве Пруссии выступает таможня, которая была известна своим педантизмом. Автор пишет, что, «помня, как перерыли и перемяли» там его «пожитки в 1841 году», «...трепетал при мысли, что теперь придется, в сумерки, пересмотреть девять сундуков...» [Греч 1847: 37]. Также Греч фиксирует резкую смену ландшафта на свехупорядоченный в Пруссии, по сравнению с иными немецкими землями: «Тотчас по переезде чрез границу, увидели мы, что находимся во владениях прусских: ровное, ничем не прерываемое шоссе, чрез каждые сто шагов камень с означением тысячной доли одной мили; по обеим сторонам высокие тополя» [Греч 1847: 38]. Это пространство спрямлено, геометризовано и расчислено в противовес естественному. Образ Пруссии как упорядочивателя-унификатора немецкого пространства актуализирован также во фрагменте, посвященном введению единого «Уголовного Уложения для всей Монархии», при этом Греч проявляет себя сторонником целерациональности, подчеркивая благо сурового закона, предполагающего, в том числе, телесные наказания как дисциплинирующие воздействия, и порицает партикуляризм прирейнских земель, не желающих отказываться от «Уложения Французского (Code Napoleon)»: «В собственной Пруссии, Бранденбурге, Померании, Силезии, и проч.; ...уложение принято с удовольствием и благодарностью <...> но в Рейнской Провинции <...> встретило оно противоречия и оппозицию»¹ [Греч 1847: 57].

¹ Впрочем, французского-прусская правовая лиминальность Прирейнья подчеркивалась еще в гревевских путевых письмах 1817 г.: «По изгнании Французов <...> Прусское Правительство намеревалось ввести в Герцогстве Прирейнском... Прусское Уложение <...> но жители тех стран <...> обратились к трону с просьбою не лишать их... права», т. е. наполеоновского [Греч 1838: 94].

Лиминальное пространство в гречевском тексте нередко заключает в себе сюжет противостояния. Если речь идет о внутренних границах Германии, то это не только борьба за сохранение определенной независимости рейнской «периферии» от прусского «центра»¹, но и религиозное размежевание на католические и протестантские локусы. Места их наложения чреваты конфликтами, как, например, в описываемом Гречем Оснабрюке, где наблюдается «смещение прав»: пока «...католики в тишине и благоговении шли в крестном ходе...», «...лютеранское юношество резвилось и шумело вокрут их по улицам, как видно, протестуя против папской власти, а один гусарский офицер хотел верхом проехать среди процессии и был от того с трудом удержан полицией» [Греч 1847: 36–37]. Иная картина наблюдается автором в преимущественно католическом Кельне, где католическая процессия² не только «была гораздо богаче и великолепнее оснабрюкской», но и «происходила в порядке и тишине», не встречая «оппозиции ни с чьей стороны» [Греч 1847: 42]. Кроме того, в этом фрагменте встречается мотив прусской власти как упорядочивателя пространства: «...прусская полиция не позволила бы нарушения благочиния» [Греч 1847: 42]. В третий раз мотив немецких конфликтов на религиозной почве возникает в конце «германского» фрагмента «Парижских писем...» при описании Мангейма, мотив чужести которого особо акцентирован: «Людей много,

¹ У Погодина это противостояние между прирейнскими землями и Пруссией описывается в эпизоде плавания на пароходе, где прусские рекруты, собиравшиеся на праздник под Майнцем, «вели себя не очень вежливо» [Погодин 4: 47]. В свою очередь, по наблюдению автора, «жители майнцские, кажется, терпеть не могут своих военных постояльцев» [Погодин 4: 47]. Даже в написанных гораздо позже путевых очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина в словах Мальчика без штанов содержится сходный мотив: «Даже свои “объединенные” немцы — и тех тошнит от вас, “объединителей”» [Салтыков-Щедрин: 47].

² Отношение к католическому Кельну у Греча двоякое. С одной стороны, он восхищается «благообразием», «красотой» «католических духовных», их «благоговением», кажущимся «искренним и непринужденным» [Греч 1847: 43]. С другой — русского автора неприятно поражает смешение сакральной и профанной сфер в пространстве кельнского театра: «...в Кельне, городе строго католическом, в опере молились точно так, как в церкви, и на театре был даже образ Богородицы. Странное неприличие!» [Греч 1847: 48].

но все чужие и чуждые. Это не северная Германия и не Австрия, где тотчас можно завязать беседу и познакомиться со спутниками» [Греч 1847: 54], т. е. последние территории, не раз посещенные Гречем, являются для него уже частично освоенными, тогда как юго-западный Мангейм¹ никак не может считаться даже частично своим. Причины недружелюбия здешнего населения автор выводит из лиминальности пространства: «Это, вероятно, происходит от здешнего различия мнений политических и религиозных» [Греч 1847: 54].

Мотивы раздробленности Германии и противостояния ее отдельных земель друг другу также актуализируются в связи с образом железных дорог, амбивалентных путей, как соединяющих, так и разъединяющих пространство: «В Германии та беда, что всякое владение хочет проводить железные дороги по своим главным городам, и от того они идут не прямо, а зигзагами, т. е. мыслете пишут» [Греч 1847: 32]. Например, по мнению писателя, результатом строительства железной дороги из Альтона в Киль может стать упадок «старинного, почтенного Любека» [Греч 1847: 32], который станет неинтересен в качестве места транзита товаров. Также мотив раздробленности Германии связан в гречевском тексте с историческим пространством Оснабрюка и Мюнстера, где решалась судьба немецких земель по итогам Тридцатилетней войны и был заключен мир, «утвердивший раздельность, а с нею и бессилие Германии, уступившей прекрасные ее области Швеции и Франции» [Греч 1847: 35].

Как видно из вышеприведенной цитаты, внутренняя и внешняя лиминальности Германии тесно связаны. Противостояние французам и скандинавам² активно проявляется в рамках пограничных западных и северных пространств. То же противопоставление Альтона и Киля Любеку обусловлено тем, что на момент написания «Парижских писем...» первые два локуса относятся к владениям Дании, тогда как последний является вольным городом. При этом Голштиния оказывается полем напряжения между Пруссией и Данией. В самом Копенгагене Греч подчеркивает двой-

¹ Лиминальность Мангейма отмечена еще Фонвизиным; «ближнее соседство с французами сделало то, что в мангеймских немцах гораздо менее национальности, нежели в других» [Фонвизин: 455].

² Единственным лиминальным, но при этом нейтральным, неконфликтным пространством в «Парижских письмах...» изображена немецко-голландская граница: «Вот Эммерих, прусская таможня, конец Германии, и начало Голландии» [Греч 1847: 59].

ственную ситуацию: с одной стороны, он отмечает культурное господство немецкого языка, на котором говорят «почти все датчане» и ряд литераторов одинаково хорошо пишут «и по-датски, и по-немецки»; с другой стороны, подчеркивает нетерпимость между народами, что особенно сказывается на лиминальных землях Шлезвига и Голштинии: «Датчане терпеть не могут Немцев, и между датскими и немецкими владениями Короля свирепствует непримиримая вражда. Области Шлезвиг и Голштиния, принадлежат к Германскому Союзу, хотят сохранить немецкую национальность, а Датчане требуют, чтоб они приняли язык и обычаи датские» [Греч 1847: 17]. Возвращаясь к этому датско-немецкому противостоянию далее, автор осуждает датское правительство за неприязненность «к городам ганзейским» и связывает его, опять-таки в духе Просвещения, с предрассудками Средневековья: «Это остатки вражды и зависти Средних Веков, которую давно следовало бы забыть» [Греч 1847: 32].

Еще одним маркером лиминального, датско-немецкого, пространства, только не разделяющим, а, наоборот, объединяющим его является ольфакторный мотив «кисловатого, как бы от особенной пыли» «свойственного всем немецким городам» «немецкого запаха», который Греч ощущает в Копенгагене. Этой острающей и, пожалуй, сниженно-комической характеристикой отмечена некоторая условная территория, включающая часть Дании, лиминальную Прибалтику и собственно Пруссию, воплощенную в локусе ее столицы: «Он начинается уже в Нарве, очень явствен в Дерпте и в Риге, слышится в Берлине, а потом или исчезает в самом деле, или не слышен от того, что органы наши к нему привыкли» [Греч 1847: 6].

Противостояние немецких земель (во главе с Пруссией) Франции, которое было одним из лейтмотивов греческих путевых писем 1817 г., написанных по свежим следам антинаполеоновских кампаний, имеется и в «Парижских письмах...». В частности, эти тексты роднит мотив неоварварства французских войск по отношению к историческим местам Германии. В «Парижских письмах...» Греч упоминает, что «...Французы заняли Кельн и превратили собор в сенной амбар; перебили большую часть расписных стекол, разрушили многие статуи, надгробные камни и т. п.», в результате ставшему «под владычеством Наполеона» «третьестепенным провинциальным городом» Кельну едва хватало средств на починку крыши собора и замену стекол [Греч 1847: 43–44]. Пришедшая на смену Франции Пруссия как упорядочиватель простран-

ства, напротив, связала достройку собора с возрождением страны, видя в этом «общее национальное дело всей Германии, символ ее единства, величия и славы» [Греч 1847: 44]. Помимо Кельнского собора еще одним местом, маркирующим немецко-французское противостояние, выступает в тексте крепость Везель¹, где «расстреляны были в 1809 году, по приказанию Наполеона, прусские офицеры, участвовавшие в экспедиции Шилля и взятые в плен в Стральзунде» [Греч 1847: 59], а впоследствии прусским правительством установлен в их честь памятник.

Стоит отметить широкую представленность в гречевском повествовании локальных образов Германии исторической. Практически о каждом посещенном городе автор старается дать историческую справку, что, в принципе, было характерно и для его путевых писем о Германии 1817 г. Однако в отличие от последнего текста в «германском» фрагменте «Парижских писем...» меньшее место занимает ирония и трагедия. Это придает мирообразу Германии в данном произведении более нейтральный, фактографический характер, сходный с нарративом туристического справочника. Так, в Бремене Греч удостаивает упоминания «древнюю ратушу» и подновленную «статую Роланда» [Греч 1847: 33], излагает средневековую историю «старинного» Оснабрюка [Греч 1847: 34] с осыпавшимися «старинными валами», усаженными теперь аллеями, и «немногими» уцелевшими башнями, в одной из которых, «говорят, содержались в старину знаменитые пленники, Графы Липпе и Текленбург» [Греч 1847: 35]. Но если Карамзин в своих «Письмах...» излагает историю пленников разбойничьего замка в предромантической эстетике ужасного, то Греч сообщает прозаическую деталь — характер выкупа за последнего графа: «...выкупился из плена тремя синими гончими собаками, тремя розанами без шипов и четвериком редких монет» [Греч 1847: 35]. Не обойдена вниманием, разумеется, и оснабрюкская «зала в городской ратуше, где заключен был Вестфальский Мир», но описание ее подчеркнуто безыскусно, то же касается и изображения

¹ С Везелем Греч связывает также тему русской Германии. В гарнизоне этого города служил, а затем сбежал «наш поэт-рекрут Ломоносов» [Греч 1847: 59]. Еще одним «своим», «русским» локусом Германии выступает в «Парижских письмах...» курорт Эмс, где писатель неожиданно встречается с В. А. Жуковским и Н. В. Гоголем.

местных «редкостей»¹ в соборе, включая трость Карла Великого [Греч 1847: 35]. Среди достопримечательностей Ибургга называются «огромное здание» «бывшего монастыря» и «старинный замок, в котором родился Английский Король Георгий I» [Греч 1847: 37]. Мюнстер представлен прежде всего религиозными объектами: «клетками с телами казненных в 1556 году анабаптистов» «на башне Церкви Св. Ламберта» [Греч 1847: 38], и «величественным собором», «наполненным гробницами знаменитых в свое время людей» [Греч 1847: 38–39].

Аналогично выстроен образ Кельна. Автор упоминает локусы биржи, гауптвахты, местного музея с несколькими «хорошими старинными картинами» (причем экфразис этих полотен отсутствует) [Греч 1847: 47], а также «дома, в котором родился Рубенс и скончалась Мария Медичи» [Греч 1847: 46]. Более подробно Греч описывает «старинную Церковь Св. Урсулы», где в шкафах хранятся «черепки и кости одиннадцати тысяч христианских дев, избитых, по преданию, язычниками», а «по стенам висят картины с изображением этой легенды» [Греч 1847: 43]. Саму легенду, что характерно, автор не излагает даже в иронической форме, к которой при описании данной церкви обращался И. П. Мятлев в опубликованной также в 1840-е гг. поэме «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже». Немецкому средневековому легендарному нет места в нейтрально-фактологическом мирообразе Германии «Парижских писем...» (в отличие от тех же греческих путевых писем 1817 г., где в рамках рейнского текста, пусть и несколько в отстраненной манере вставных историй, приводятся основные легенды, связанные с Рейном). Также достойным упоминания признается церковь Св. Петра, связанная с Рубенсом: здесь он был крещен и ей же принес в дар «великолепный за престольный образ распятия Св. Апостола Петра» [Греч 1847: 45–46], захваченный французами и затем возвращенный на место. Заметим, что вновь автор приводит комплементарный эпитет, но избегает экфразиса. Основной же акцент в описании Кельна сделан на пространной, многостраничной характеристике «достопамятнейшего готического здания Германии», «знаменитого» Кельнского собора²

¹ В сходной манере нейтрального перечисления описываются немецкие редкости и в вышеупомянутом тексте Корсакова.

² Почти дословное совпадение характеристики собора встречаем у Погодина: «Взглянули на дом, в котором родился Рубенс и в котором скончалась Мария Медицис, заказавшая ему некогда расписать Луврскую Галлею».

[Греч 1847: 43]. Причем в основном речь идет не столько об изображении архитектуры, сколько об изложении истории здания с момента основания до современности. Среди значимых объектов собора Греч выделяет вызолоченную и усыпанную «драгоценными камнями» «драгоценную раку, в которой почивают (по преданию) мощи трех волхвов, или царей» и «надгробные памятники», в том числе «большую мраморную плиту, без надписи, за главным алтарем», где временно была погребена Мария Медичи [Греч 1847: 45]. Наконец, «самой достопамятной вещью» здания названы пять «огромных расписанных» окон, на которых «изображены архиепископы Германн и Филипп, и некоторые особы, содействовавшие к построению собора» [Греч 1847: 45] (это вновь констатация факта, а не экфразис). Также Греч упоминает, но не приводит связанные с собором «различные предания», где в «главной роли» выступает черт [Греч 1847: 45]. Они для автора являются «не лишенными поэтических прикрас» средневековыми предрассудками («одно другого сумасброднее и нелепее») [Греч 1847: 45]. Не останавливаясь подробно на изображении материального, Греч, однако, уделяет внимание, как и при описании крестного хода, характеристике мистического чувства, возникающего при созерцании сакрального. Автор подчеркивает, что вид «священного здания» «...рождает в посетителе и в чужестранце, в иноверце, какое-то таинственное чувство страха и благоговения пред велениями неисповедимой судьбы...» [Греч 1847: 45].

Впрочем, автор обращается к приему остранения не только при описании овеянной историей и сакральных актов, но и для придания увлекательности повествованию, создания эффекта неожиданности. Так, Греч сравнивает вид пострадавшего от пожара Гамбурга с Помпеей, контаминируя времена и пространства: «Встаю, подхожу к окну, и вижу — Помпею! Точно Помпею, но не ту, которая засыпана пеплом за 1800 лет пред сим, а процветающую за два года пред моими глазами» [Греч 1847: 45]. Также в качестве «оригинального, особенного» в пространстве Кельна автор выделяет его карнавальность: «...в одном Кельне изо всех городов германских, бывают в карнавал всенародные маскарады на улицах» [Греч 1847: 45]. Остраненным изображен локус лишенной посетителей общественной залы (Cursaal) в курортном Эмсе,

рею» [Погодин 4: 32]; «Знаменитый Кельнский Собор... — это чуть ли не важнейший Христианской памятник древней Германии» [Погодин 4: 32].

где «рулетка на прежнем месте, но банкиры сидят без дела, и только для развлечения своего повертывают колесо Фортуны» [Греч 1847: 50]. В беседе автора с банкометом актуализируется мотив русского расточительства как типичного заграничного поведения. Немец называет русских «благодетели наши», тем самым давая понять, кто тратит больше всех денег на азартную игру. Остраняющей комической деталью выглядит также в этом контексте образ отдыхающего в Эмсе Жуковского, переданный с точки зрения банкомета. «Тайный Советник Жуковский» причислен им к «людям для нас пустым», т. е. неигрокам [Греч 1847: 50].

Кроме того, остранение используется писателем для создания комического эффекта, нацеленного на травестию повествования. К ней Греч особенно часто прибегает в «германском» фрагменте путевых писем 1817 г. Но и в «Парижских письмах...» можно найти отдельные элементы травестино-смехового мирообраза Германии. Вспомним, например, особый «немецкий запах» пространства от Копенгагена до Берлина, пишущие «мыслете» немецкие железные дороги или бесчисленные винодельческие *heime* Рейна. Помимо этого, упоминая трость Карла Великого в Оснабрюке, Греч удивляется ее сохранности, несмотря на пожар 1100 г., и иронизирует по поводу «достопамятностей германских», которые, «как вещи казенные, в воде не тонут, в огне не горят» [Греч 1847: 35]. По сути, перед нами нисходящая градация, когда от условно высокого элемента — образа исторического артефакта — происходит снижающий переход в административную сферу: артефакт становится единицей учета, «казенной вещью». Вероятной представляется и скрытая ирония автора, основанная на сомнении в подлинности средневековых редкостей. Недаром он использует ремарку «по преданию», когда рассказывает о костях кельнских дев в церкви Св. Урсулы. Далее Греч еще более снижает образность, приводя по случаю анекдот об одном косноязычном «немецком коменданте в ненемецком городе», который издал приказ вследствие порчи скульптур «неудалых алебастровых львов», принимавшихся в простонародье за собак (типичная снижающая деталь); «Собаки сии суть собаки казенные, следовательно, оные должны не только сохраняться, но и распространяться» [Греч 1847: 36]. Таким образом, выстраивается остраняющая комическая ассоциативная цепь на основе понятия ненемецкой казенщины: трость Карла Великого — немецкие казенные вещи — не имеющие художественной ценности «собако-львы» в ненемецком городе.

Автор, хотя и не передает народные сказания о Кельнском соборе, подробно пересказывает местную «любопытную» «городскую легенду» о мнимо умершей жене бургомистра и белых конях, причем частично русифицируя ее и придавая ей разговорную форму: служанка называет своих хозяев «барин» и «барыня», а бургомистр обращается к ней «Врешь, дура!» [Греч 1847: 46].

Травестийным в «Парижских письмах...» является также образ вестфальского дворянства и Вестфалии в целом как «нераздельного майората глупости, уцелевшего в течение ста лет» [Греч 1847: 40]. Репрезентация пространства преломляется через «призму» исторического анекдота о Вольтере, чья карета застряла в здешней дорожной грязи и была спасена вестфальскими мужиками, которые при этом принялись дразнить французского философа «как мартышку», а также посредством интертекстуальных связей с вольтеровским «Кандидом», где описаны «карикатурный Вестфальский Барон фон Тондертентронк и дочь его, прекрасная Кунигунда», и иммермановским романом о Мюнхгаузене, выводящем «на сцену» «вестфальского барона с дочерью», являющихся «гораздо глупее Вольтеровых» [Греч 1847: 40]. Правда, Греч оговаривает, что «...и Вольтер, и Иммерман были поэты, т. е. выдумщики и лжецы», как бы дезавуируя ранее сказанное о Вестфалии. Но следующее его риторическое восклицание, видимо, стоит понимать иронически, обратным образом: «Послушайте, как разглагольствуют почтенные потомки Тондертентронка на Дюссельдорфском Сейме!» [Греч 1847: 40].

Кроме того, автор иронизирует над немецкими филистерами, или, как он их называет, «тяжелыми *нихтбештимтзагерами*»¹ [Греч 1847: 56]. К комическим могут быть отнесены образы кельнских театральных зрителей, простодушно смеющихся над словами в оберовской опере «Фра-Диаволо» («...на наших и на других театрах, при словах бандита: “режь его, он не Христианин, а Англичанин”, смеются над невежеством итальянским, а здесь смеялись над Англичанами, принимая эти слова в прямом смысле» [Греч 1847: 40]), а также изображение «увесистой вестфальской туши», «почтенной супруги» немецкого таможенника,

¹ Это ироническое выражение (от нем. «nicht bestimmt sagen») встречается еще в гречевских путевых письмах 1817 г. с их частыми насмешками над немецкими бюргерами: «*Нихтбештимтзагер*, или немецкая немозузнайка, — известное выражение Суворова» [Греч 1838: 26].

которая, видя, что русский путешественник не требует сдачи за сигару, «разнежилась, как Вертерова Шарлотта» (столкновение сниженной телесности и возвышенной литературной образности) [Греч 1847: 38]. Наконец, филистеров Греч высмеивает в эпизоде в Ибурге: «Все <...> по обычаю глубокомысленных Германцев толковали о малейшем вздоре... с удивительною важностью. Редкий из собеседников был без трубки. Любопытно знать, каковы были бы Немцы, если б не было табакокурения: это составляет здесь один из главных элементов жизни» [Греч 1847: 40]. Отметим, что мотивы курения трубки и немецкой глубокомысленности (нередко мнимой) типажны для русской литературы, часто встречаются не только в путевой прозе, но и в художественных текстах, связанных с описанием немецкости.

Таким образом, можно констатировать достаточно эклектичный характер репрезентации германского пространства в «Парижских письмах...» Греча, где сочетаются элементы различных мировоззрений Германии. В качестве своего рода «остаточных явлений» сентименталистского нарратива выступают различные демиприродные и домашние идиллические немецкие локусы, для которых характерны мотивы упорядоченности, уюта, чистоты, светлости, семейности, визуальной привлекательности, изобильности (в том числе в рамках образа Германии-сада).

От этой демиприродной идиллии (патриархальной и ахронной в своей основе) следует, однако, отличать образы урбанистических ландшафтов, связанные с новой рациональной упорядоченностью Европы «эпохи пара», когда наличие железных дорог, пароходов убыстряет темп развития немецкой жизни, повышает степень организованности и связности пространства Германии. Этот модернизированный и рационализированный порядок, по сути, выходит за рамки сентименталистского нарратива, однако, в варианте написанных в 1840-е гг. «Парижских писем...» еще не имеет негативных сатирических коннотаций сверхорганизованного, антигуманного пространства. Характерно, что основным центром нового упорядочивания-объединения немецкого социума (географического, культурного, правового и т. п.) выступает Пруссия. Этот процесс упорядочивания встречается с противодействующими ему устремлениями на германской периферии, в качестве которой в тексте Греча представлены различные конфликтные по своей природе лиминальные локусы, датско-немецкие и французско-немецкие.

«Эрозия» образа Германии как идиллии проявляется и в снижении эмоциональности описаний, их краткости, отказе от изобразительности, характерных, например, для «германского» фрагмента карамзинских «Писем русского путешественника». Сходные нарративные сдвиги демонстрирует также вариант «рейнского» текста «Парижских писем...», который невыразителен даже на фоне более ранней репрезентации Рейна в греческих путевых письмах 1817 г.

Ориентированность на относительную нейтральность, фактологичность в изображении Германии свойственна не только греческим «Парижским письмам...», но и появившимся в ту же эпоху травелогам Корсакова, Погодина. В произведении Греча эта фактологичность актуализируется при описании как современных автору мест, так и пространственных образов исторической Германии. Причем Средневековье представлено относительно нейтрально-отстраненно, хотя часть его «реликтов», сохранившихся вплоть до XIX в., оценивается писателем отрицательно.

Наконец, наряду со «слабым эхом» сентименталистского нарратива и фактологическим мирообразом Германии, в тексте Греча отмечаются элементы травестийно-смехового повествовательного модуса. Последний связан с острашением и осмеянием германской образности, касающейся прежде всего пространства немцев-филистеров.

Список литературы

Источники

Греч Н. И. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб.: Изд-е П.И. Мартынова, 1847. 592 с.

Греч Н. И. Соч. Николая Греча: в 5 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1838. Ч. 4. 374 с.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 717 с.

Корсаков С. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н. А. Корсакова в 1839 году. М.: Тип. Н. Эрнста, 1844. 111 с.

Погодин М. П. Год в чужих краях (1839) в 4 ч. М.: Унив. тип.; Тип. Н. Степанова, 1844.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 14. 704 с.

Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1959. Т. 2. 743 с.

Исследования

Аксенова М. В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 3 (7). С. 7–21.

Батшев М. В. Русские путешественники в Германии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: необходимые формальности и особенности поездки // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2020. № 1. С. 15–32.

Жданов С. С. Основные черты имажинально-географической Германии в русских тревелоггах конца XVIII – первой половины XIX вв. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 16–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-16-39>.

Ильченко Н. М., Аксенова М. В. Образ Германии в путевых письмах Н. И. Греча // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Нижний Новгород: НГЛУ, 2016. С. 112–116.

Морозова Н. Г. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 9–17.

Рудикова Н. А. Парижский текст в заметках и путевых письмах русских путешественников конца 1830-х гг. (И. Г. Головин, Н. И. Греч, М. П. Погодин, В. М. Строев) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3 (66). С. 187–191.

References

Aksyonova, M. V. “‘Putevye pisma iz Anglii, Germanii i Frantsii’ N. I. Gretscha v kontekste russkoi literatury puteshestvii XIX veka” [“Travel Letters from England, Germany and France’ by N. I. Gretscha in the Context of Russian Travel Literature of the 19th Century”]. *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3 (7), 2020, pp. 7–21. (In Russ.)

Batshev, M. V. “Russkie puteshestvenniki v Germanii poslednei chetverti XVIII – pervoi poloviny XIX vv.: neobkhodimye formal’nosti i osobennosti poezdki” [“Russian Travelers in Germany of the Last Quarter of the 18th – the First Half of the 19th Centuries: Necessary Formalities and Features of Travels”]. *Locus: liudi, obshchestvo, kulturny, smysly*, no. 1, 2020, pp. 15–32. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2020-1-15-32> (In Russ.)

Zhdanov, S. S. “Osnovnye cherty imazhinal’no-geograficheskoi Germanii v russkikh travelogakh kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX vv.” [“Principal Features of the Imaginal-geographic Germany in Russian Travelogues of the Late 18th — First Half of the 19th Centuries”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 2, 2021, pp. 16–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-16-39>. (In English)

Ilchenko, N. M., Aksyonova, M. V. “Obraz Germanii v putevykh pis’makh N. I. Gretscha” [“The image of Germany in the Travel Letters by N. I. Grech”]. *Yazyk, kulturny, mentalnost’: Germaniia i Frantsiia v evropeiskom yazykovom prostranstve* [Language, Culture, Mentality: Germany and France in the European Language Space]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Linguistic University Publ., 2016, pp. 112–116. (In Russ.)

Morozova, N. G. “Grani vospriiatiia Germanii v kontekste russkoi literatury ‘puteshestvii’” [“Aspects of Germany Representation in the Context of Russian ‘Travel’ Literature”]. *Philologiia i chelovek*, no. 2, 2008, pp. 9–17. (In Russ.)

Rudikova, N. A. “Parizhskii tekst v zametkakh i putevykh pis’makh russkikh puteshestvennikov kontsa 1930-kh gg. (I. G. Golovin, N. I. Gretscha, M. P. Pogodin, V. M. Stroevev)” [“Paris Text in Travel Notes and Letters of Russian Travelers of the Late 1830s (I. G. Golovin, N. I. Gretscha, M. P. Pogodin, V. M. Stroevev)”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, no. 3 (66), 2015, pp. 187–191. (In Russ.)